

ДЕНИС КРЮКОВ
***
САДОВОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Денис Крюков
Садовое товарищество
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67666713
Садовое товарищество: ИД «Городец»; Москва; 2021
ISBN 978-5-907483-04-0

Аннотация

Петька живет на даче один – совсем как знаменитый Дядя Федор. У него есть друзья и подруги, а впереди – одно бесконечное лето и уйма захватывающих приключений. «Садовое товарищество» – книга о детстве, хотя и не совсем про детей.

В тексте сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

Содержание

Предисловие	6
Обыкновенный день	11
Аппаратура!	14
Не град, а дядя Аркадий	17
Штаны	21
Воспитание силы воли	26
Костя приехал!	30
У Мишкиной мамы	33
Плечо товарища	37
Съедобное-несъедобное	41
Летающие предметы	47
Смари, кто приехал!	51
Полуотсыпной	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Денис Крюков

Садовое товарищество

Рисунки Константина Батынкова

© Д. Крюков, 2021

© К. Батынков, иллюстрации, 2021

© ИД «Городец», 2021

* * *

Книга Дениса Крюкова – это воспоминания взрослого Петьки о счастливом вечном лете далекого детства. Он не проживает эту жизнь у нас на глазах, а вспоминает ее, обставляя свои воспоминания множеством чудесных и очень точных подробностей. В конце концов, любой подросток всегда одинок, и для того, чтобы убедительно описать единственное лето взросления, взрослые могут и не понадобиться.

Анна Матвеева, писатель

О чем книга, которую вы держите в руках? О ностальгии по детству? О неспешной летней дачной жизни? Пожалуй, нет. Денис Крюков как раз написал о другом. О том, что не проходит и остается в нас навсегда. Следует только посмотреть глазами ребенка на мир вокруг нас, как мы сразу поймем, что суетное, а

что формирует нас.

*Борис Куприянов, директор сайта о книгах и чтении
«Горький»*

Денис Крюков пробрался в детскую вневременную голову героя и заставил нас смотреть, обонять, слышать, трогать, спать и видеть сны, удивляться, маяться, проголодываться, бегать, читать, волноваться и мечтать внутренностью Петьки. «Садовое товарищество» – книга о счастье.

Пахом, художник-экстрасенс

Предисловие

Летнее время

Десять лет назад я обзавелась собственным ребенком и, заново открывая мир советской анимации и детской литературы, обнаружила пренеприятный факт. Взрослые люди в этот мир если и допущены, то не на правах героев, а в качестве сопутствующих персонажей – порой даже затейливых, полезных и положительных, но исключительно отдаленных. Эдакие спутники главных действующих лиц, нарезающие положенные круги по орбите. Как точно сформулировал дядя Федор из Простоквашино: «Я сам по себе мальчик».

Повесть Дениса Крюкова «Садовое товарищество» – лирическая, смешная, фантастическая, абсурдная, всякая – но главное, что она магическим способом возвращает взрослого читателя в ту вселенную, из которой его позорным образом изгнали по достижении определенного возраста. Это воспоминание о том, каким ты был, пока еще не стал морской фигурой, замершей на месте.

«Море волнуется раз!» – выцепленным из детской игры заклинанием один из персонажей ловко управляет мирозданием. Морских фигур в «Садовом товариществе» множество – это весьма густонаселенная планета. Ее обитатели наделены признаками некоторой инфернальности – злове-

ший дед Пафнутий, сосед Урфин Джус, стругающий свою деревянную армию, телеведущая с заторможенной пластикой, дед-провидец, карманник-альпинист, спящая царевна Диана Николаевна, козел Роман и размахивающий шашкой профессор Василий Иванович. В финале эта добрая дачная нечисть восстает против пришлой злой силы, так что читателя ждет настоящий шабаш с факелами и дудками.

Все эти царевны, чумаки, однорукие колдуны и прочие чапаевы рассмотрены в повести пристальным взглядом подростка, для которого летняя жизнь – главное приключение года. Время, которое тянется и плавится в июне и несется на третьей космической ближе к сентябрю. Автор умело воспроизводит это странное течение минут, свойственное лету. И если в начале повести читателю позволено скучать, считая уток, и следить за метаморфозами мокрых пятен на асфальте, то ближе к финалу пульс учащается от необходимости угнаться за бегущими вприпрыжку персонажами.

Время в «Садовом товариществе» вообще ни к чему не привязано – нет никаких атрибутов, намекающих на безусловность датировки. Байкал и лимонад буратино были и будут всегда, а блуждающие близнецы-вегетарианцы с розовыми волосами выглядят скорее персонажами японских аниме или фильмов Стэнли Кубрика, чем продвинутыми современными подростками. Летнее время всегда одно и то же – оно не подчинено никаким законам, разве что мифу о вечном возвращении. В детстве всегда возвращаешься – на да-

чу, на свободу, к состоянию «сам по себе мальчик».

Герои СТ и живут так, будто нет в их жизни никаких родителей, а окрестные взрослые – фольклорные персонажи или «тусклые люди», способные помочь или напакостить – в зависимости от расположения. Отдельно от прочих взрослых обитают в этом шестисотовом пространстве дедушки, потому что дедушки – как справедливо отмечено – «дело нешуточное». Деды – носители тайного знания и хранители вечных артефактов летнего мира – мотоцикла урал, телогреек, ржавой тачки и маньчжурского ореха. Они управляют механизмами, имитируют птичьи голоса, предсказывают будущее, повелевают козлами и прочей живностью. Только у дедушек и подростков есть это будущее. Взрослые же беспомощно застыли в своей грустной определенности и очевидно нуждаются в сочувствии.

Дачный мир, описанный Денисом Крюковым, абсолютно мальчишеский, а главный его повелитель мохнатобородый Иван Сергеевич – почти Тургенев, которого обитатели «Садового товарищества» почитают и немного цитируют.

Женские персонажи тоже выписаны слегка на тургеневский манер: они – как на картинах Борисова-Мусатова – не появляются, а словно vyplывают из тумана. Одна погружена в сон, другая – в литературу, третья бросает колдовские взгляды, четвертая неспешно разливает чай. И за каждой волочится шлейф посконной чеховской грусти. Феминистки точно не одобряют.

Главные герои, наоборот, стремительны и активны. Их игровая скорость порой превосходит человеческие возможности, как будто они уже и не мальчишки, а какие-то хармсовские человеко механизмы: «Я теперь уже не Мишка, берегитесь! берегитесь! Я теперь уже не Мишка, я советский самолет». Но тормозят они так же неожиданно, как и заводятся. С ритмом повествования автор СТ вообще обходится вольно. Так что из людей-самолетов и мотоциклов его герои довольно быстро превращаются в персонажей сказок Сергея Козлова про ежика, медвежонка и зайца: сидят на крыше, смотрят на костер, качаются на соснах, пьют лимонад – в молчаливом согласии или ведя незначительные, но очень важные беседы.

Тут нужно оговориться: Денису Крюкову никакая цитатность не свойственна – ни Хармса, ни Козлова, ни Успенского, ни Тургенева он в тексте никаким боком не воспроизводит. Все литературные аллюзии рождаются в голове у читателя (у меня в данном случае) исключительно из ощущения какого-то тайного дачного братства – общих книг на полке и мультфильмов в телевизоре. А вот некоторая живописность автору точно присуща. Бывает, читаешь прозу и не обращаешь внимания на ее цвет. В «Садовом товариществе» же мелькают, как сигнальные лампочки, тревожные красные пятна – треугольник, звезда, ухо. Или вдруг, медитируя на фонарный столб или мокрый асфальт, замечаешь разные оттенки серого. Главный герой рисует самолеты и воздушные сражения – сплошное «красное на черном».

Нарочитая литературность речи – еще одно важное свойство этой повести. Ничего вроде бы особенного автор вслух не проговаривает, но за каждым словом возникает ощущение весомости. Денис Крюков «добрым словом» буквально «пуляет». И словотворчество такое, как в детстве. Летний дождик, который почему-то «фи-фи-фи», а не «кап-кап-кап». «Деньрождения» и «москварика» иначе как слитно не существуют, а таинственные «неуклюжи» вместе с пешеходами бегают по лужам. И лишь позже, во взрослом состоянии, они почему-то расходятся и начинают жить по правилам русского языка. А «Садовое товарищество» – про жизнь без всяких правил, когда можно залезть на чердак и стряхнуть пыль с дедовских механизмов, или выцепить с дачной полки потертый том библиотеки журнала «Знание», или психануть и прочитать ПСС Тургенева. Но и это вовсе не главное, а важно, как утверждает один из персонажей, «свое найти».

Наталия Бабинцева

Обыкновенный день

Петькин сон был стремительно прерван упругим гулом ночного скорого, доносящимся от поселка. «Три часа», – подумал Петька и тут же опять провалился в густую темноту. Как только начало светать, Петьку разбудило настырное пулеметное стрекотанье сорок. «Четыре», – подумал Петька и перевернулся на другой бок. В 6.15 кто-то с наглым топотом и скрежетаньем стал бегать по Петькиному домику. «Белки!» – подумал Петька и, приоткрыв занавеску, попытался увидеть хотя бы кончик беличьего хвоста. Белки каждое утро, ровно в 6.15, совершали физкультурный набег на Петькин домик. И каждый раз Петька пытался разглядеть из окна хвостатых спортсменов, и каждый раз ему это не удавалось. Он так и заснул, уткнувшись носом в подоконник. Без пятнадцати десять тишину разрезал звенящий свист циркулярной пилы. Петька ударился лбом об оконную раму и подумал: «Виктор Михалыч». Под звон циркулярки Виктора Михалыча ему начало сниться восстание машин. Петька дергал ногой, яростно сжимал кулаки и скрипел зубами. От натуги он опять проснулся. «Пора вставать», – подумал Петька и отправился умываться.

Позавтракав, Петька пошел гулять. Догуляв до пруда, он сел на берегу и стал наблюдать за утками. Он вертел во рту травинку и иногда передразнивал крякающих уток. Когда

ему это надоело, он лег на траву и стал мечтать о том, как в следующем году поедет на озеро Байкал. Он давно мечтал поехать на озеро Байкал, но каждое лето неизменно отправлялся к себе на дачу в Подмосковье.

– Кря! – громко крякнул Петька, и утки от испуга прибились к противоположному берегу. Петька встал и пошел в деревенский магазин. В магазине он купил холодной газировки байкал и, прямо там откупорив ее, залпом выпил полбутылки.

– Все, ты последний. Два часа, – сказала вслед ему продащица и закрылась на перерыв.

Петька вернулся домой и пообедал бутербродами. Когда он смахивал крошки со стола, перед ним неожиданно появился Виктор Михалыч.

– Пф-ф! – засвистел Виктор Михалыч, потому что часть крошек неожиданно угодила в него. – Петька, – заговорил Виктор Михалыч, выуживая крошки из усов, – а у тебя вода есть?

– Щас посмотрим! – Петька радостно побежал к умывальнику, потому что подумал, что Виктор Михалыч может устроить ему за крошки нагоняй. Петька открыл кран, тот зашипел и с трудом выдавил из себя одну каплю воды.

– Нету! – крикнул Петька.

– Так я и думал. В шесть обещают включить насос, – Виктор Михалыч развернулся и собрался уходить.

– Виктор Михалыч! – остановил его Петька. – А что вы

там пилите?

– Детей строгаю! – усмехнулся в ус Виктор Михалыч и ушел.

«Как же! – подумал Петька. – Так я и поверил. Если он там что и строгают, то не детей, а деревянных солдат. И вообще, зачем спрашивал, если и так знает, что в шесть дадут?»

Петька взял карандаш и бумагу и стал рисовать деревянную армию Виктора Михалыча. Он изрисовал несколько листов, представляя, как тот, шевеля усами, штабелирует солдат по всему своему дачному участку. Тут с шипением и сиплым карканьем из трубы полилась вода. «Шесть часов», – догадался Петька и закрыл кран. Он надел кеды и дал несколько кругов до сторожки и обратно. Прибежав домой, он закинул кеды на крыльцо, облился из-под шланга и стал растираться зеленым полотенцем.

Ровно в восемь с соседней дачи слышалось звяканье столовых приборов. «Косолаповы собираются ужинать», – подумал Петька и, решив не отставать, направился разогреть макароны. После ужина он долго читал книгу про полет на Марс, а потом, как обычно, не почистив зубы, лег спать. Без трех минут полночь к поселку подъехала последняя электричка. «Ну вот и все», – успел подумать Петька и мгновенно заснул под удаляющийся стук колес.

Аппаратура!

Петька шел по лесу и сбивал головы одуванчиков палкой. Головы с щелчком срывались со стеблей и улетали вдаль. Может, конечно, и не в даль ни в какую, а просто в кусты, – Петька на их полет не обращал никакого внимания. Он был обеспокоен, причем сразу двумя вещами.

– Аппаратура, – проговорил Петька и срезал палкой очередной одуванчик.

Ночью ему приснился странный сон. Сны всегда странные – на то они и сны. Но этот был вот только что, Петька и позавтракать-то толком не успел – побрел в лес. Во сне он ехал за рулем автомобиля, что уже было не совсем понятно: Петька за рулем автомобиля никогда не был и вообще про вождение ничего не знал, кроме того, что руль круглый. Однако вот как-то он ехал за рулем и, судя по всему, быстро. Вдоль ночной дороги на большой скорости проносились разные предметы. И тут Петька оказался не только за рулем, но и на соседнем сиденье. «Что ж, – подумал Петька, – такие вещи случаются». И раздвоению собственной личности не придал никакого значения – это же сон, а во сне всякое бывает. Ну и конечно, в этот момент навстречу автомобилю стало неумолимо надвигаться нечто красное. Приглядевшись, Петька узнал в нем автодорожное ограждение в виде треугольника. И хотя надвигалось оно до безобразия медленно,

тот Петька, что был за рулем, категорически отказывался обращаться на него внимание. Правый Петька понял, что рулевой Петька сейчас так и въедет в этот зловещий треугольник, если его не предупредить. Плевое дело – предупредить. Но законы всех снов утверждают: плевое и есть самое сложное. Предупреждение застряло у Петьки в горле и никак не могло пробраться наружу. Итак, один Петька давит на газ, который он даже не знает где находится, и в упор не видит красную преграду. Другой давится собственными словами, будто этот красный треугольник уже вскочил ему в рот. А Петька, который спит, наблюдает за всем этим и думает: «Какие же вы все остолопы!» Но тут, в самый последний момент, правый Петька наконец превозмог закон сонного тяготения и громко выплюнул одно слово:

– Аппаратура!

Рулевой вывернул руль, правый облегченно выдохнул, а спящий подумал: «Почему „аппаратура“?» – и решил просыпаться. Проснувшись, Петька тут же еще раз повторил слово «аппаратура» и понял, что пора вставать. И вот теперь все утро Петька ходит и твердит одно и то же: «Аппаратура». И хорошее вроде слово – «аппаратура» – то что надо слово, а выползает оно из Петькиного рта медленно и противно, словно гусеница лохматая. И навевает тоску. Вот что беспокоит Петьку. Это раз.

Второе хуже. Тропинка вывернула в еловые заросли, куда одуванчики, видимо, заглядывать побаивались. Петьке ста-

ло скучно просто так палку в руках вертеть, и он ее запустил в самый бурелом. Там она и застряла. «Цепко, – успел подумать Петька и тут же вспомнил: – А! Второе». А беспокоило Петьку вот что: он уже неделю прожил на даче и все это время ощущал, что ему чего-то не хватает. Чего не хватало – он не понимал, и это его уже начинало волновать не на шутку.

За кустами тропинка выворачивала на опушку. Петька шел и, грустно посвистывая, отщипывал от кустов листья. Оказавшись на опушке, Петька встал как вкопанный. Дорогу ему преграждал козел Рома, известный забияка, наводивший шорох кругом уже не один год. Увидев Петьку, Рома потряхнул головой, опустил рога вперед и стал бить копытом. Так стояли они друг напротив друга и смотрели в глаза. Первым не выдержал Петька – он громко крикнул: «Аппаратура!» – и бросился наутек. Он бежал все быстрее и все громче орал:

– Аппаратура!

Сквозь собственный крик он слышал топот не отстающего козла Ромы. Но это было уже не важно. Потому что теперь Петька точно знал, чего ему не хватало. А не хватало ему приключений.

Не град, а дядя Аркадий

С самого утра зарядил дождь. И не такой чтоб крупнокалиберный, с пузырями, а так: фи-фи-фи. То есть на весь день. Петька даже зубы почистить не успел – но это он, конечно, обрадовался. Но в остальном обстановка унылая: носа из дома не высунешь. А если и высунешь, то лучше б не высовывал. «Да, – подумал Петька, – никаких тебе приключений. Не с кем даже козла забить». Тут он вспомнил про козла Рому и решил, что зря он его вспомнил. Зато он тут же вспомнил про Пушкина. Вернее, не про Пушкина, а про его стихотворение «Узник».

– Сижу за решеткой... – дальше Петька вспомнить не мог, отчего стало ему совсем одиноко и скучно. Да и какая еще решетка? Разве что сетка-рабица, отделявшая его дачу от соседской. Тьфу, а не решетка.

Пошел тогда Петька на кухню и сделал себе бутерброд с колбасой. Жуя бутерброд, Петька стал проклинать свою судьбу, в которой совсем нет места приключениям. И вдруг вспомнил продолжение:

– ...в темнице сырой!

Вот это правда, обрадовался Петька. Мало того, как только он вспомнил вторую строчку пушкинского стихотворения, из щели между досок на потолке террасы закапала вода. «Какое-никакое, а приключение», – подумал Петька и под-

ставил под течь первое, что попало под руку. А под руку попала старая дедовская пепельница из хрусталя, лежащая на террасе просто так, для украшения. Оживившись, Петька пошел сделать еще один бутерброд, но когда вернулся, понял, что это была не такая уж и хорошая идея – подставить пепельницу. Дело в том, что он упустил из вида дядю Аркадия, председателя их дачного поселка. Не самого дядю Аркадия, конечно, – его дурные привычки. Было у него их две. Первая – все время повторять «будем говорить». А вторая – курить во всех домах, куда он заходит. И заходит он в каждый дом в поселке, к тому же часто – чуть ли не раз в неделю. Так вот, пепельница оказалась не просто так, для украшения, а достаточно плотно забита пеплом. Поэтому вода, ударяясь о ее дно, разбрызгивала во все стороны грязные капли. Оставив на столе надкусанный бутерброд, Петька быстро поменял пепельницу на кастрюлю и принялся вытирать грязные зловонные пятна.

– Фу-у-у, – сказал Петька, когда закончил, и тут снаружи раздался стук. «Град!» – подумал Петька и побежал на крыльцо. Но на крыльце никакого града не было, зато стоял дядя Аркадий, председатель их дачного поселка.

– Здоров, Петька! Зайду, будем говорить? – зашел внутрь дядя Аркадий, не дожидаясь Петькиного приглашения. – Течет? – заметил течь дядя Аркадий. – Вот о чем я и говорю.

Он сел в кресло и сразу же закурил. Петька сел напротив и стал доедать свой бутерброд.

– Петька, у тебя чего пепельница мокрая? – спросил дядя Аркадий, потянувшись по привычке за дедовской пепельницей.

– Да так, – махнул рукой Петька. – Пушкина вспомнил.

– Пушкин с мокрыми пепельницами не ходил, будем говорить, – нахмурил бровь дядя Аркадий.

– Он и с сухими не ходил, – решил заметить Петька.

– Не факт, – подумав, ответил дядя Аркадий. – Впрочем, я к тебе не для этого пришел. Разговор есть, будем говорить. Про забор у сторожки.

Дядя Аркадий всегда говорил долго, обстоятельно и невыносимо скучно – хуже дождя. «Ну все», – подумал Петька и подтянул к себе лист бумаги с карандашом. Дядя Аркадий не изменял своим привычкам: он уже не менее получаса курил, вворачивал к месту и не к месту свое «будем говорить» и нудно разъяснял что-то про забор. Петька же, чтобы совсем не скучать, стал рисовать дядю Аркадия. Сначала он его нарисовал курящим, а в облаках дыма материализовывались слова «будем говорить». Потом он изобразил его с усами как у Гитлера. Потом с рогами и хвостом. Потом в виде ежика. В виде ежика, кстати, получилось лучше всего. А потом дядя Аркадий остановился и спросил:

– Ну что, Петь, надо про забор решать, будем говорить. Ты как?

– Не знаю, дядя Аркадий, – Петька заканчивал обрабатывать иголки на спине у дяди Аркадия. – Я старый забор с

детства помню – он мне как родной. Тем более деревянный. А зачем новый, да еще железный – непонятно.

– Как непонятно?! – всплеснул руками дядя Аркадий. – Для солидности!

– Я человек маленький, дядя Аркадий, – Петька закончил с иголками и пририсовывал хвостик. – Мне солидность ни к чему.

– Слушай, Петька, – дядя Аркадий встал с кресла. – Я тебе серьезные вещи говорю, а ты со своей ерундой... Что ты там рисуешь?

Он потянулся за листком, и Петька не успел глазом моргнуть, как рисунок оказался в руках у дяди Аркадия.

– Та-а-ак... – в гневе дядя Аркадий перестал быть похожим на ежика и стал действительно смахивать на черта и Гитлера одновременно. Он скомкал бумагу с рисунками и бросил ее в угол. – Так, будем говорить! А еще про Пушкина тут...

Дядя Аркадий развернулся и вышел.

– Скучно вы говорите, дядя Аркадий, – сказал Петька, глядя на скомканную бумагу. – Лучше б это град пошел, ей-богу.

Дождь не заканчивался до самой ночи, и к Петьке больше в этот день никто не зашел.

Штаны

На следующий день после дождя весь дачный поселок, близлежащая деревня да и все остальное было залито лужами. Но Петьке так надоело сидеть дома, что он не просто пошел гулять, а отправился в настоящее путешествие – аж до птицефермы. Вернувшись домой уже после обеда, он обнаружил, что у него не только ботинки насквозь мокрые, но и штаны все облеплены грязью. «В таких штанах больше не походишь», – понял Петька и решил их постирать. Вопрос – как? Он вспомнил, что некоторые культуры, а также слоны пользуются песком. Но, во-первых, песок тоже был мокрый, во-вторых, песка у Петьки не было даже сахарного, в-третьих, все-таки не в каменном веке живем. А значит, нужны тазик и стиральный порошок. Сначала Петька посмотрел на кастрюлю, которая так и стояла на полу, наполовину наполненная дождевой водой. «Наверное, в ней стирать не стоит», – подумал Петька и уже начал жалеть, что живет не в каменном веке. Придется искать тазик и порошок.

Петька полез в сарай. Тазик он нашел почти сразу. Потом нашел коробку со своими старыми солдатиками, дедову кожаную куртку, меховую шапку, одну лыжную палку и три слипшихся от старости противогаза. Но порошка нигде не было. Еще он нашел целлофановый пакет с кристаллообразным веществом яркого цвета морской волны. Но, подумав,

он решил, что если постирать им, то растворятся не только штаны, но и тазик, и Петькины руки. Петька представил себя без рук, сплюнул и понял, что надо попросить порошок у соседей. «Пойду к Косолаповым. У них точно есть», – Петька закрыл дверь сарая.

Подойдя к забору, Петька громко крикнул:

– Александр Романович!

Уже через мгновение Александр Романович, несмотря на свой возраст, галопом неся к забору:

– Тише, Петя, тише! – кричал он шепотом.

– Александр Романович! – так же шепотом закричал Петька. – У вас стиральный порошок есть?

– Понимаешь, Петя, – ласковым голосом заговорил Александр Романович, остановившись напротив Петьки, – Диана Николаевна спит. Приходи попозже – нельзя ее будить.

– Ага, – кивнул Петька. – А порошок-то есть?

– Определенно сказать не могу. Приходи попозже.

Петька сел на крыльцо и пробурчал: «Всегда эта Диана Николаевна спит. А когда не спит, то кашляет. Никакого проку от Косолаповых». Тогда он решил пойти к Виктору Михалычу: если у него циркулярная пила есть, то стиральный порошок точно должен быть. Войдя к Виктору Михалычу на участок, Петька обнаружил его в беседке хлебающим борщ.

– О, Петька! Ты чего? – радостно растопырил измазанные борщом усы Виктор Михалыч.

– Виктор Михалыч, у вас порошок есть? А то вон, видите, как штаны изгваздал, – Петька показал руками на свои штаны.

– Какой порошок? – Виктор Михалыч опять принялся за борщ.

– Как какой? – удивился Петька. – Стиральный, конечно. Говорю же, штаны изгваздал.

– Ну порошок разный бывает, и штаны разные, – Виктор Михалыч стал запихивать себе в рот огромный кусок мяса.

Петька стоял и ждал, пока Виктор Михалыч разжует свой кусок мяса. А разжевав, он сказал:

– Вот что, Петька. Я завтра в город поеду, могу тебе порошка купить. Только деньги дай заранее, а то у меня сейчас сам понимаешь...

– Понимаю, – расстроенно кивнул головой Петька. – Мне бы сегодня...

Петька вышел ни с чем от Виктора Михалыча и опять забурчал: «Как жужжать по утрам, так пожалуйста, а как порошка горсточку одолжить – так фигу. У него, наверняка, целая тонна этого порошка лежит. Своим солдатам деревянным зубы чистит. Тьфу!» Сплюнув, Петька понял, что остается одно – идти за порошком к Юле. Раньше, когда они были совсем маленькими, они дружили с Юлей. Теперь она стала взрослой девчонкой, а со взрослыми девчонками он сейчас иметь дела опасался. Одно слово – девчонки. Ну их. Но делать нечего, придется идти.

Подойдя к Юлиной калитке, Петька сначала тихонько покричал – мало ли чего она там делает – неудобно. Потом поскребся ногтем об облезлую краску забора, потом так же тихо постучал, а потом не выдержал и гаркнул что есть мочи:

– Юля!!!

Калитка тотчас раскрылась.

– Петь, ты что так орешь? Соседей перепугаешь, – на пороге стояла Юля в клетчатом сарафане и, улыбаясь, смотрела на Петьку.

– Я твой сосед, – гордо поднял голову Петька. – А остальных уже ничем не перепугаешь – я у всех был.

– Да? А чего? – Юля продолжала улыбаться, отчего Петьке становилось совсем не по себе. – Да ты проходи.

– Я, собственно, на секунду, – стал объяснять Петька неожиданно задереженевшим голосом. – Юля, у тебя нельзя одолжить горсточку стирального порошка? А то вон штаны видишь какие.

– Штаны интересные, – все так же улыбаясь, согласилась Юля. – Садись.

Сам того не заметив, Петька уже оказался на веранде Юлиного дома. Для приличия он сел, хотя садиться ему совсем не хотелось.

– Только знаешь, у меня автомат, – вдруг посерьезнев, сказала Юля.

– Что? – Петька от неожиданности опять встал.

– Ну, автомат. Для стирки в машинке, – засмеявшись, объ-

яснила Юля. — Петь, давай я тебе постираю твои штаны. Это быстро, всего полчаса.

— Да ты что! — опять приподнялся Петька. — Как постираю?

— Ну просто. У тебя же нет машинки, а у меня есть. А мы пока чаю попьем с вареньем.

Петька залился краской, но Юля уже принесла полотенце, чтобы он пока им обмотался, и отказываться уже было не с руки. Юля вышла, он снял штаны, обмотался полотенцем, и началась стирка. В это время они действительно пили чай с вареньем. Петьке не очень было удобно делать это одной рукой, потому что второй он крепко сжимал полотенце, которое так и норовило предательски раскрыться.

Теперь штаны висели на перилах Петькиного дома. Он наблюдал за тем, как от них шел легкий пар, исчезая в лучах заката, и всем нутром ощущал, как они высыхают. И понимал Петька, что дело тут совсем не в штанах.

Воспитание силы воли

Поглядел Петька на посуду немытую, на вещи свои разбросанные тут и там, на сад, поросший сорняками, и решил силу воли воспитывать – иначе никогда порядок не наведешь. И с запалом принялся за дело. Но запала, как оказалось, хватило ненадолго. Посуду он еще кое-как помыл. Правда, только ту, что стояла в раковине, остальную решил оставить на следующий раз. Ведь воспитание – дело не быстрое, а если он сейчас все сразу помоеет, то как он потом будет силу воли воспитывать? Пошел он вещи свои в порядок приводить. Встал перед кучей своих носков, маек, ботинок и свитеров и начал их перебирать. Перебирал-перебирал и неожиданно заметил, что теперь у него не одна куча вещей, а две. Только поменьше. «Вот те раз!» – озадаченно смотрел Петька на размножившиеся вещи. В огород он решил даже не выходить – вдруг сорняки тоже начнут размножаться? И понял Петька, что с воспитанием силы воли у него что-то пошло не так, и с досады пнул ногой кастрюлю, которая так и стояла на полу с дождевой водой. Вода расплескалась по всей террасе. Глядя на это безобразие, Петька стал догадываться, что для воспитания его силы воли нужны радикальные методы.

Он сел на крыльцо и стал думать о том, какими методами он бы мог спасти захиревшую свою силу воли. И через пол-

часа он тихим голосом, но твердо произнес:

– Зловещий дед Пафнутий...

Дед Пафнутий жил на самой окраине поселка, где дачи переходили в лес. Прямо у забора росла огромная старая ель, наполовину скрывавшая потемневший дом деда Пафнутия, отчего он был похож на жилище людоеда. Сам дед Пафнутий выходил с дачи редко, и при встрече с ним дети с криком бросались наутек. Петька тоже в детстве до ужаса боялся деда Пафнутия, да и сейчас ему становилось не по себе, когда он проходил мимо дедова дома. Петька замечал, что и взрослые здороваются с дедом Пафнутием не столько из вежливости, сколько из страха, хоть и скрывают это. Деда Пафнутия так и называли – «зловещий дед Пафнутий».

Вот и решил Петька пойти к нему. Это был единственный способ воспитать Петькину силу воли. И Петька отправился в путь. Он не знал, что скажет деду Пафнутию, он не знал и как к нему обращаться – не зловещий же дед Пафнутий. Но другого выхода не было.

Петька остановился перед покосившейся калиткой. От тени огромной ели веяло холодом. Петька посмотрел в последний раз на едва пробивающиеся сквозь еловые лапы солнечные лучи и потянул калитку на себя. Она со скрипом открылась. Петька пошел по кривой тропинке, ведущей мимо спутанных зарослей боярышника. Он уже оказался рядом с домом, когда услышал глухой голос:

– Ну здравствуй.

Петька никого не видел, но на всякий случай сказал:

– Здравствуйте. Я Петька.

– Я знаю, кто ты, – из зарослей появилась косматая борода деда Пафнутия.

«Ну все, пропал», – подумал Петька.

Дед Пафнутий выбрался из кустов на тропинку:

– Я, Петька, с твоим дедом дружил.

– Как так? – удивился Петька.

– По средам в баню ходили. И вообще, – дед Пафнутий подошел вплотную к Петьке и протянул ему свою шершавую ладонь. – Иван Сергеевич, как писатель. Тургенев, знаешь такого?

– Как же, «Муму», – сказал первое, что пришло в голову, Петька и положил свою ладонь в огромную кисть старика. Ему, конечно, было уже не так страшно, тем более раз речь зашла о великих русских писателях, но сердце все равно колотилось, как канарейка в клетке.

– С чем пожаловал, Петька? – спросил дед Пафнутий, который теперь был Иваном Сергеевичем.

Петька понял, что лучше ничего не скрывать – мало ли чего еще старик знает, и честно ответил:

– Силу воли воспитываю...

Однако вместо того, чтобы рассердиться, дед Пафнутий рассмеялся, поскрипывая чем-то внутри:

– Пойдем-ка, Петька, я тебя специальным чаем напою. От него у тебя сила воли вмиг выправится.

Петька уже знал, что от чая в гостях бесполезно отказываться, да и интересно было, что за чай такой у деда Пафнутия. За чаем дед рассказал, что у него есть взрослый сын, который работает врачом, что за домом у него есть заросший пруд, в котором иногда живут выдры, и что «зловещим дедом Пафнутием» его прозвал шутки ради Петькин дед за косматую бороду.

– Только дачники у нас шуток не особо понимают, – закончил рассказ дед Пафнутий. – Но есть и плюсы. Аркашка, например, ко мне только раз в год заходит. А он на меня такую тоску наводит – жуть.

Вернувшись домой, Петька достал завалившуюся за диван кастрюлю и поставил ее наконец в кухонный шкаф. Видно, чай у деда Пафнутия и правда специальный, решил Петька. А еще он подумал, что странно устроена жизнь: больше всего на свете он боялся встречи с самым интересным человеком на всех дачах.

Костя приехал!

Пошел Петька на пруд, как обычно, на уток смотреть. Пришел, сел на берегу, а уток-то и нет. «Вот незадача, – подумал Петька. – Куда же девались утки? Не могли же хозяева съесть сразу двадцать три утки!» А Петька каждый раз пересчитывал уток и сейчас знал точно, что их было ровно двадцать три. Может, они гулять пошли, предположил Петька. Но он не был уверен в том, что утки вообще гулять ходят. Петька смотрел на пустой пруд и размышлял над тем, что еще могут делать утки. В баню они не ходят, в школу и кино тоже. В лесу их звери сожрут. По всему выходило, что утки могут только по деревне гулять, есть да спать. Следовательно, скоро все двадцать три (ну или почти двадцать три) утки опять появятся на пруду.

– Ворон считаешь?! – вдруг раздался из-за спины громкий знакомый голос.

Петька обернулся и от радости почему-то опять крикнул:

– Аппаратура!

Про себя же он подумал: «Костя приехал!» Костя наверняка подумал то же самое. Вернее, он подумал: «Петька приехал!», но сути это не меняло. Петька быстро поднялся, и товарищи крепко обнялись. После этого Костя отошел на два шага, посмотрел внимательно на Петьку и спросил:

– Что еще за аппаратура?

– Долгая история, – махнул рукой Петька. – Потом расскажу.

– Ладно, – согласился Костя. Он поглядел на пруд и опять спросил: – Улетели утки?

– Нет, они не летают. У них порода такая, нелетающая, – авторитетно ответил Петька. – Они щас гулять пошли. Или спят. Или едят.

– Думаешь? – поморщил лоб Костя.

– Несомненно! – все так же серьезно заявил Петька. А потом хлопнул товарища по плечу и сказал:

– Хорошо, что ты приехал, Костя!

– Я давно приехал, – насупил бровь Костя.

– А чего не заходил?

– Думал, ты зайдешь. А ты чего не заходил?

– Тоже думал, что ты зайдешь.

Озадаченные друзья смотрели на темную поверхность пруда и молчали.

– Ерунда какая-то, – первым нашелся Костя.

– Каменный век, – согласился Петька. – Давай-ка, знаешь что, за Мишкой зайдём. А то он, небось, сидит там, книжки читает и тоже думает, чего это за ним никто не заходит. И вообще, давай возьмем себе за правило все время заходить друг за другом.

– Давай! – охотно поддержал товарища Костя. – Только перед этим давай еще зайдём в магазин и возьмем газировки. Все-таки надо отметить нашу встречу.

– Обязательно! – сказал Петька, и они пошли за газировкой.

У Мишкиной мамы

Петька и Костя шли по грунтовой дороге, которая вела из деревни к дачному поселку, пили газировку прямо из бутылок и дружно крякали после каждого глотка. В магазине не оказалось байкала, поэтому они купили буратину. И теперь пузырьки буратины светились на солнце особенно празднично, как будто знали, что товарищи сегодня встретились после долгой разлуки. Наконец Петька с Костей дошагали до Мишкиной дачи и, открыв калитку, зашли на участок. Обогнув угол дома, они увидели тетю Таню, Мишкину маму, сидящую в шезлонге в летнем платье с книжкой в руках.

– Здравствуйте, тетя Таня! – громко крикнул Костя. Он вообще все любил делать громко – такой уж у него характер.

Тетя Таня отложила книгу и улыбнулась:

– Здравствуйте, ребята. Давно не виделись.

– Ага! – кивнули ребята, хотя как раз-таки тетю Таню они видели довольно часто, поскольку она работала диктором на телевидении.

Тетя Таня внимательно оглядывала ребят, и Петька с Костей боялись прервать этот процесс – они знали, что тетя Таня не любит разговоров на скорую руку. Но тетя Таня, конечно же, сама догадалась, зачем они пришли, и сказала:

– А Миши нет. Они с папой приедут на следующей неделе.

– И Василий Иванович приедет?! – обрадовался Петька.

Все любили Мишкиного папу. Он был профессором и, говорят, даже академиком. Петька не очень понимал разницу между профессором и академиком, но звучало и то и другое солидно. Не меньше Петьке нравилось и имя-отчество Мишкиного папы. Ему часто представлялось, как Василий Иванович стоит в героической позе у себя на кафедре и шашкой сечет в капусту диссертации всяких двоечников и проходимцев.

– А как же! – мягко прервала ход Петькиных мыслей тетя Таня. – В отпуск приедет. А может, и на все лето... А вы, ребята, что делаете?

– Мы на уток смотрели, – важно ответил Костя.

– Ой, да сколько этих уток в деревне... – тетя Таня лениво отогнала ладонью мошку от лица.

– Двадцать три! – дружно выпалили ребята и переглянулись.

– Двадцать три, – медленно повторила тетя Таня и, посмотрев куда-то в сторону, сказала: – А мне тут сон приснился... Не буду вам рассказывать – про работу, – оборвала свой рассказ тетя Таня.

Ребята не знали, что на это ответить, и, когда пауза стала уж слишком длинной, Петька, почесав макушку, стал рассказывать свой сон про аппаратуру. Когда он закончил, тетя Таня еще раз оглядела его с ног до головы и медленно произнесла:

– Интересный сон...

Петька, конечно, думал, что гораздо интереснее было бы, если бы он во сне летал на боевом самолете и сбивал в небе фашистов, но спорить с тетей Таней не стал – все-таки она на телевидении работает.

– Тетя Таня! – не выдержал Костя и громко крикнул: – Вам ничем помочь не надо? Картошку, например, прополоть?

– Да какая уж у меня картошка? – от удивления тетя Таня даже уронила книжку в траву. – Не росла никогда у нас картошка.

– Ну, может, белье развесить сушиться? – не унимался Костя.

– Да брось ты, Костик! Сама развешу – не сахарная, – тетя Таня потянулась за книгой. – Да и не стирала я ничего.

Костя быстро подбежал к шезлонгу, поднял книгу и подал ее тете Тане. Не успела она поблагодарить Костю, как вдруг Петька неожиданно для самого себя сказал:

– А мне Юля штаны постирала...

Все опять замолчали, книжка застряла между Костей и тетей Таней, и только слышно было, как тихо за забором стрекочет кузнечик. Первым, как всегда, не выдержал молчания Костя. Он втиснул книгу в руки тети Тани, выпрямился и сказал:

– Ну раз вам, тетя Таня, ничего не нужно, я пошел домой – меня дедушка обедать ждет.

Когда они вышли за калитку, Костя тоже смерил товарища

взглядом и сказал:

– Странные тебе сны, Петька, снятся. И штаны подозрительно чистые.

Плечо товарища

На следующий день Петька проснулся поздно. Поэтому зубы он чистить не стал и сразу взялся за завтрак. Во время завтрака он решил, что первым делом надо непременно зайти к Косте, а то как бы опять ерунда не вышла. Но не успел он запихнуть в рот последний кусок яичницы, как на террасу стремительно влетел Костя. «Привет, Костя», – хотел сказать Петька, но из-за того, что у него был набит рот, получилась какая-то каша вместо приветствия. Костя остановился напротив Петьки и, уперев руки в боки, сказал:

– А знаешь ли ты, Петька, что разговаривать с набитым ртом неприлично?!

«Вот те раз», – удивился Петька и наконец проглотил остатки яичницы. Костя же развернулся и стал нервно вышагивать по террасе. Сначала в одну сторону, потом в другую. Прodelав этот маршрут несколько раз, Костя наконец остановился и резко вытянул руку в направлении потолка:

– У тебя вон потолок протекает, а ты все завтраками питаешься!

Положим, сейчас потолок не протекал – погода была солнечная, но Костина рука указывала именно в то место, откуда еще пару дней назад, во время дождя, текла вода. Непонятно, прав ли был Костя с технической точки зрения, но ясно было одно: встал он сегодня не с той ноги. Между тем

Костя не унимался. Он уже заглянул и в комнату, и на кухню и продолжал таким же мрачным голосом перечислять Петькины недостатки:

– Посуда немытая, носки разбросаны... Живешь как в зоопарке!

«Не в зоопарке, а на скотном дворе», – хотел поправить товарища Петька, но решил, что лучше не надо, а то он еще подзарвется. Тем более что Петька воспитывает свою силу воли, а это, похоже, как раз тот самый случай. Но когда Костя подошел к окнам и стал проводить пальцем по стеклу, проверяя, есть ли на нем пыль, никакой силы воли у Петьки уже не хватило и он громко закричал:

– Так, Костя, либо рассказывай, что стряслось, либо пошли к турнику, и я тебя так обставлю в лесенку, как тебя еще никто никогда в жизни не обставлял!

– Это ты-то меня обставишь в лесенку?! – метнул недобрый взгляд в сторону товарища Костя. – А ну пошли!

И они пошли. Турник находился в лесу на опушке, поэтому идти им пришлось довольно долго. Весь путь они проделали молча, грозно сопя и печатая шаг. Когда они оказались на опушке, Костя первый сбросил с себя футболку, подтянулся и на весь лес гаркнул:

– Раз!

Петька тоже снял футболку, закинул ее на перекладину, подтянулся и молча уступил место Косте. Костя запрыгнул на турник, дважды подтянулся и так же громко объявил:

– Два!

Когда счет дошел до десяти, они, не сговариваясь, свалились на траву рядом с турником. Сквозь их тяжелое дыхание было слышно, как где-то наверху ветер с мелодичным свистом мотал верхушки деревьев.

– Знаешь, Костя, – примиряюще сказал Петька, – мы скорее турник сломаем, чем победим друг друга.

Костя одобрительно кивнул, а потом сказал:

– Нет, турник еще мой дед делал. Он вместе с лесом умрет.

И Костя опять вдруг помрачнел и замолчал. Петька приподнялся и хлопнул изо всех остатков сил товарища по плечу:

– Рассказывай уже, Костик!

Костя обхватил колени руками и спросил:

– Деда моего помнишь?

– Конечно, помню! – вскинул усталую руку Петька. Да и как не помнить Костиного деда?! Все его помнят. Правда, как раз он ничего не помнит – старый уже. Но это не мешает ему быть самым веселым дедом на садовых участках.

– Вот он уже неделю, – продолжил свой рассказ Костя, – за завтраком твердит одно и то же: «Мертвые идут».

– Ого! – искренне удивился Петька. И тут же спросил: – А за обедом?

– Нет, только за завтраком. Но есть после этого совсем не хочется.

– Ну может, он в телевизоре что-нибудь увидел? – предположил Петька.

– Да этому телевизору лет столько же, как и деду, а мертвые только щас пошли!

– Сплюнь, – тихо сказал Петька.

Костя метко плюнул в стоящий в пяти шагах репейник и уткнулся носом в колено. Слюна медленно сползала по репейнику, иногда подсвечиваясь заблудившимися лучами солнца.

– Грустно, – сказал Петька и еще раз, собрав всю свою силу воли, что есть силы хлопнул Костю по плечу.

Съедобное-несъедобное

На этот раз Петька рано вскочил с кровати – Виктор Михалыч еще не начал выпиливать своих деревянных солдат, а это значит, не было еще и десяти. Наскоро проделав все утренние процедуры, Петька быстрым шагом отправился к Косте. Он хотел встретиться с ним до того, как мертвецы испортят товарищу настроение. Ну и кроме того, ему было интересно услышать самому, как Костин дедушка говорит: «Мертвые идут». Но не успел Петька дойти до водокачки, как из-за угла на него буквально вылетел Костя.

– О, Петька, привет! Я на станцию. Срочное дело! Увидимся вечером. – Костя, не останавливаясь, пожал товарищу руку и на полном ходу стал удаляться по направлению к станции. Петька не успел даже глазом моргнуть, как Костя исчез за поворотом. Однако прошла минута, две, пять минут, а Петька все так и стоял у водокачки. Костино срочное дело перечеркнуло все Петькины планы – теперь он совершенно не понимал, чем себя занять. Но стоять на одном месте было совсем скучно, и в конечном итоге Петька решил пойти куда глаза глядят. А поскольку глаза у него все время глядели прямо, то через минут сорок он дошел до коровника. Здесь он присел на камень у обочины перевести дух. Пока он переводил дух, вспомнил, как совсем маленьким ходил сюда с родителями за молоком. Теперь в коровнике жили ба-

раны. А бараны, насколько Петьке было известно, молока не дают. «Зато у них есть шерсть», – подумал Петька. Размышлять о бараньей шерсти было тоже скучно, и Петька пошел в обратную сторону.

В обратную сторону Петька пошел медленнее и глядя по сторонам. Так идти оказалось намного увлекательнее. Куда бы он ни посмотрел, кругом кипела какая-то скрытая от чужого глаза жизнь. Из-за чего-то ругались сороки, вдоль обочины с шуршанием шагал еж, глубоко в кустах мелькнул кто-то и исчез. Покосившийся столб посерел от старости, и Петька вспомнил, что он был таким же серым уже много лет назад, когда в коровнике жили коровы. Загнутый окурок папиросы, лежащий на асфальте, выдавал сложный характер бросившего его курильщика. И даже пакет с мусором, валявшийся в канаве, был полон тайн: Петька стал прикидывать, а можно ли по содержимому пакета вычислить его владельца, а потом надеть ему этот мешок на голову? Так он почти дошел до дачного поселка, как вдруг заметил на тропинке, отходящей от дороги в лес, мальчика и девочку, склонившихся и разглядывавших что-то у своих ног. Петька их уже знал, хоть и не был знаком. Они были младше его и появились на дачах только этим летом. В этом Петька был абсолютно уверен, поскольку не заметить их было сложно: у обоих были розовые волосы. Петьке стало интересно, что они там разглядывают, и он решил подойти к ребятам поближе. Они заметили его, обернулись и стали смотреть на Петьку немига-

ющими глазами.

– Привет! Я – Петька, – объявил он. – А вы кто?

– Саня, – ответили мальчик и девочка одновременно.

Петька остановился и стал переводить взгляд с одного на другую. Потом он не выдержал и спросил, толком и сам не до конца понимая, к кому конкретно обращается:

– А тебя?

– Саня, – также хором ответили мальчик и девочка.

– А! – догадался Петька. – Саня, Саня!

– Ага, – облегченно кивнули ребята, и глаза их наконец мигнули.

– А что это там у вас? – опять спросил Петька.

– Вот, – мальчик с девочкой показали себе под ноги: там ползла вдоль тропинки гигантская улитка.

С этими улитками Петька был знаком. Они появились несколько лет назад, и теперь их было пруд пруди. Сейчас-то на них никто и внимания не обращает, а раньше, конечно, была настоящая сенсация: шутка ли, улитка размером с кулак. Про все это успел Петька подумать, но сказал только одно слово:

– Улитка...

А потом, почесав макушку, добавил:

– Видимо, их никто не ест...

– А вы хотели бы их попробовать? – неожиданно спросил Саня-мальчик, и они вдвоем опять стали смотреть на Петьку немигающими глазами.

– Не уверен, – Петька на всякий случай еще раз посмотрел на улитку. – Думаете, стоит?

– Мы не знаем, мы вегетарианцы, – ответила Саня-девочка.

– Вегетарианцам нельзя есть улиток? – поинтересовался Петька.

На этот раз оба Сани посмотрели на улитку, после чего Саня-мальчик серьезно произнес:

– Наверное, нет.

– Понятно, – сказал Петька. А поскольку ему раньше не доводилось разговаривать с вегетарианцами с розовыми волосами, да еще и с двумя сразу, решил задать еще один вопрос: – А яичницу можно?

– Яичницу мы едим крайне редко, – подумав, ответил Саня-мальчик, и они снова одновременно мигнули.

– Я тоже, – вздохнув, произнес Петька. Он еще хотел спросить их про сосиски, но решил, что лучше не надо – еще обидятся. Кроме того, у него начинала плыть картинка от розовых волос и немигающих глаз Сань. Поэтому он посмотрел еще раз вслед исчезающей в зарослях улитке и сказал: –

Пойду-ка я пообедаю.

По дороге домой Петька размышлял сразу о нескольких вещах. О том, можно ли играть в «съедобное-несъедобное» с вегетарианцами. О том, что если никто не будет есть улиток, они завоюют весь мир. О том, можно ли приучить улиток есть выкинутый мусор. И о загадочном срочном Костином деле, из-за которого Петьке пришлось полдня слоняться без дела.

Летающие предметы

Петька и Костя сидели на автобусной остановке рядом с деревенским магазином, пили байкал, болтали ногами и наблюдали, как черный пес, лежащий в теплой пыли у входа в магазин, выкусывал у себя на брюхе блох. День был хороший, настроение тоже, и было здорово, что можно просто так сидеть на деревянной скамейке и думать только об интересных и увлекательных вещах.

– Да-а... – глотнув газировки, произнес Костя.

– Тоочно... – согласился Петька и отхлебнул из своей бутылки. А потом они, не сговариваясь, громко чокнулись и сделали еще по глотку. От бутылочного звона пес подпрыгнул, посмотрел на ребят и, успокоившись, свалился обратно в пыль.

Наконец из-за поворота показался автобус. Он неспешно подкатил к остановке, немного завалился набок, основательно заскрипел и пыхнул жаром. С мягким скрежетанием открылись двери, и из них вышли старушка с корзинкой и женщина с детсадовским малышом. Малыш спрыгивал со ступенек, держась за мамину руку и отталкиваясь сразу двумя ногами. И при каждом прыжке он скандировал, стараясь перекричать ворчанье автобуса:

– Мама – мне нужен – ковер-самолет!

Что ему на это ответила мама, ребята так и не узнали, по-

тому что автобус закрыл двери, поднял облако пыли и, важно похрипывая, тронулся в путь. Когда облако пыли рассеялось, не было видно уже ни автобуса, ни мамы с малышом, и только вдали, припадая на один бок, топала старушка с корзинкой. Ребята дружно протерли от пыли горлышки у бутылок и выпили по глотку.

– Я в детстве мечтал на управляемом стуле летать, – сказал Петька.

– Ха! На стуле! – Костя резко повернул голову, отчего одно его ухо стало светиться красным на солнце. – Я мечтал летать на сарае. Он летает, а я лежу внутри на диване, чай пью или в домино с кем-нибудь играю. Сыграли партию – а мы уже в Москве. Чаю попили – в Ленинграде. Так и за границу можно было сгонять...

– И с кем же это ты там в домино играть собирался? – спросил Петька, с интересом разглядывая светящееся на солнце красное ухо товарища.

– Не помню, – Костя повернул голову обратно, и ухо перестало светиться. – Может, и с тобой. А может, с Мишкой. Но вообще, я думаю, что сарай выдержал бы всех нас троих.

– Да-а-а... – затянул Петька и посмотрел высоко в небо. Они помолчали немного, а потом Костя поставил газировку на лавку и как будто случайно спросил:

– Ну а что, Петька, может, дельтаплан построим?

Петька тоже отставил бутылку в сторону:

– Вот и я об этом думаю. Только, Костя, у нас чертежа нет.

Как без чертежа строить?

– Ничего, чертеж раздобудем. Мишкин папа нарисует. Слышал, что тетя Таня сказала? У Василия Ивановича отпуск.

Они опять задумались и стали усиленно болтать ногами, а от этого, как известно, думается гораздо лучше. Потом Петька резко перестал болтать ногами:

– Хорошо. А полетим откуда?

– Как откуда?! С обрыва! – Костя даже подскочил на скамейке, видимо уже представляя, как он отталкивается от края обрыва.

Петька тоже представил себе край обрыва:

– Есть риск.

– Риск есть, – согласился Костя и, огорченный, сел на место. – Не станет нам Мишкин папа чертеж рисовать.

– Это точно. Он профессор и не допустит, чтобы мы себе все кости переломали.

И расстроенные товарищи грустно вздохнули.

Они с таким оживлением обсуждали полет на дельтаплане, что и не заметили, как к ним подошел однорукий пастух Василий и сел рядом на лавку. Пастуха Василия они знали с детства и считали человеком очень хорошим. Но были у него две особенности, настораживавшие окружающих. Во-первых, у него всегда убегал задиристый козел Рома. А во-вторых, с козами Василий общался точно так же, как с людьми. И непонятно было, то ли козы у него такие умные,

то ли люди не до конца понимали Василия.

– Лет десять тому, – начал рассказ пастух Василий, обращаясь не то к ребятам, не то к козам, пасущимся позади остановки, а может, и вовсе сам с собой разговаривая, – в городе я был. И слышу вдруг, мужики где-то наверху орут. Смотрю, значит, и вижу: выкидывают они с балкона шкаф. Шкаф большой, а этаж высокий... Папироски нет? – неожиданно прервал историю пастух Василий.

– Не курим мы, дядя Вась! – Петька развел руками. – Что дальше-то было?

– Жалко, курить охота... – Василий потер ладонь о штаны. – Да что, кинули они этот шкаф вниз. Он полетел. А этаж же на пятом вдруг развернулся и влетел в окно. Вдребезги. И шкаф, и окно. Спарусил, значит... А ну, куда пошла?! – Василий переключился на одну из коз.

Костя опять подскочил и стал сверлить глазами Василия:

– Это что же, дядя Вася, вы хотите, чтобы мы на шкафе полетели?!

– Зачем на шкафе? Я просто хочу сказать, что так или иначе летает все что угодно... Так! Море волнуется раз! – громко крикнул пастух Василий и поднял указательный палец вверх. Козы после этого встали как вкопанные, а Василий подмигнул ребятам: – Пойду папирос куплю.

Смари, кто приехал!

Перед ужином Петька решил совершить пробежку. Он надел кеды, сделал разминку и сходу так наподдал, что к концу своей улицы полностью сбил дыхание. Тогда он сбавил темп и, погрузившись в размышления, дальше побежал трусцой. Сначала Петька размышлял о том, насколько оправдан риск полета на дельтаплане. Потом он представил себя внутри шкафа, летящего с десятого этажа вниз, из рассказа пастуха Василия. Ближе к пятому этажу представлять себя внутри этого шкафа стало опасно и неинтересно. Тогда Петька представил, что он – пикирующий бомбардировщик, а дачный поселок – вражеский военный аэродром. От усердия Петька даже загудел, а иногда еще и имитировал звук сбрасываемых им разрывающихся бомб:

– Хдщ! Хдщ! У-у-у-у...

Тут-то и раздался у него за спиной громкий сигнал. Петька попытался спасти машину, моментально уйдя в пике, отчего чуть не свалился в канаву. Маневрируя на краю канавы, Петька догадался, что это вовсе не вражеский истребитель, а какой-то глупый автомобиль библикает ему вслед и мешает выполнять воинский долг. Петька резко развернулся и уже поднял кулак, чтобы пригрозить этому мало понимающему не только в военном деле, но и в спортивных тренировках водителю, как вдруг узнал автомобиль Василия

Ивановича, Мишкиного папы. Мало того, за лобовым стеклом он заметил смеющееся лицо самого Василия Ивановича, а рядом с ним и Мишки. Из открытого окна задней двери почему-то торчала Костина голова, которая радостно что-то громко кричала. И только хлопнув себя по лбу, Петька наконец расслышал Костины крики:

– Петька, ты что, оглох?! Смари, кто приехал!

– Ур-ра-а! – заорал Петька, сразу забыв про вражеский аэродром и занятия бегом.

Василий Иванович показал большим пальцем на заднее сиденье, и Петька тотчас уселся рядом с Костей.

– Петька, понимаешь ты, пошел я к водокачке... – Костя так и не закончил предложение и опять закричал: – Смари, кто приехал!

Ехать до Мишкиной дачи было совсем немного, всего двадцать метров, но все равно здорово. Когда они остановились у ворот, из калитки вышла тетя Таня – она встречала компанию радостным и немного испуганным взглядом. Василий Иванович вылез из машины, подошел к тете Тане и, громко засмеявшись, обнял ее. Они долго так стояли в обнимку, и только глаза тети Тани иногда выглядывали из-за плеча Мишкиного папы. И от этих глаз Петьке становилось не по себе. Хорошо – Мишка уже открыл багажник машины, и они с Костей стали таскать вещи в дом.

Петька с Мишкой несли к дому поклажу, когда им навстречу вышел Костя, который уже отнес какую-то сумку.

– Мишка, здорово, что ты приехал! – крикнул Костя и что есть силы вlepил ладонью Мишке в плечo. Костя, видимо, так сильно был рад встрече с товарищем, что Мишка от неожиданности даже выронил сверток из рук. Ребята встали вокруг лежащего на тропинке свертка, Костя неловко покашлял.

– Ничего страшного, – подхватил сверток с земли Мишка. – Это болотные сапоги.

– Ого! – хором сказали Петька с Костей. – А спиннинг привез?

Выяснилось, что Мишка с папой привезли три спиннинга, фотоувеличитель, фотоаппарат со штативом, микроскоп, набор для химических опытов, две стопки книг, швейную машинку и еще много всего, но не такого интересного. Ребята с восторгом перетаскивали вещи в дом, а Костя все время приговаривал:

– Смари, не урони!

Наконец все вещи были перенесены, Василий Иванович загнал автомобиль за ворота, а тетя Таня вскипятила чайник и позвала всех за стол. Мишка и Василий Иванович с жадностью поедали бутерброды, Петька с Костей за компанию пили чай с вареньем, а тетя Таня все повторяла: «Не ждала я вас сегодня», – и опять смотрела такими странными глазами. Петька еще подумал, что, наверное, их там на телевидении специально учат такому взгляду, чтобы телезрителям не по себе становилось.

– Так, Петька! – Василий Иванович дождался третий бутерброд. – Ты еще рисуешь самолеты?

– Конечно! – радостно отозвался Петька, понимая, что Василий Иванович привез что-то интересное.

– Хорошо, – Мишкин папа потер руки. – Я тебе книжку одну стоящую про самолеты нашел. С чертежами. Потом в вещах разберемся, и Мишка тебе отдаст.

Они посидели еще немного, и тут тетя Таня спросила:

– Ну что, надолго?

Мишкин папа потер щетину и, улыбнувшись, ответил:

– Вроде да, договорился.

– Что значит «вроде да»? – Глаза тети Тани поменяли свой цвет, а Костя и Петька переглянулись и подумали: «Как же это тетя Таня не понимает? Ведь Василий Иванович сказал, что договорился. А он серьезный человек: профессор, а может, даже академик. Если он говорит, что договорился, значит – договорился». Но тетя Таня продолжала так, по-телевизионному, смотреть на Мишкиного папу.

Василий Иванович вдруг громко засмеялся:

– Смотрите-ка, ребята, тетя Таня совсем заскучала одна. Что же вы ее тут не развлекали?

– Как не развлекали?! – подскочил по своему обыкновению Костя. – Мы и белье предлагали развесить, и картошку прополоть!

– Правда-правда, – тут засмеялась и тетя Таня, – предлагали.

— Ну вот видишь, джентльмены, — Василий Иванович внимательно посмотрел на тетю Таню. — Все будет хорошо.

Петьке опять почему-то стало немного неловко, и он решил, что пора собираться домой. Костя, видимо, решил точно так же, и они вместе встали из-за стола и попрощались. Тетя Таня дала им в дорогу по прянику, а Мишка проводил до калитки. Они договорились встретиться следующим утром, а потом Костя пошел в одну сторону, а Петька в другую. Он жевал пряник, наблюдал за тем, как листья лениво крутятся в свете заходящего солнца, и думал о том, что наконец наступило настоящее дачное джентльменское лето: с приключениями, научными опытами и крепкой дружбой.

Полуотсыпной

Едва Виктор Михалыч запустил с громким звоном циркулярку, Петька свесил ноги с кровати. Он быстро оделся, позавтракал всухомятку и даже для приличия почистил зубы. Прodelав все эти процедуры, он выбежал за калитку и направился вприпрыжку в сторону Мишкиной дачи. Однако, повернув за поворот, он столкнулся нос к носу с дядей Аркадием. Петьке очень хотелось сделать вид, что он его не заметил, но дядя Аркадий случайно наступил ему на ногу, так что разговора было не избежать.

– Так, Петька, будем говорить, – начал издалека дядя Аркадий, надавливая на Петькины пальцы ног. – Какие у тебя намерения по забору?

– Вот щас, дядя Аркадий, совсем не могу говорить про намерения, – ответил Петька, пытаясь вытащить свой кед из-под подошвы дяди Аркадия.

– Петька, это безответственно, будем говорить. Безответственно и невежливо, – дядя Аркадий, видимо, вспомнил Петькины рисунки и больно нажал на его ногу.

– Поймите же, дядя Аркадий, – почти закричал Петька, – мне до зарезу нужно зайти за Мишкой!

– Я уже заходил – там все спят, – надавил на больное дядя Аркадий.

– Кто это вам сказал?! – по-настоящему забеспокоился

Петька.

– Мишка и сказал.

– Ну вот, а говорите, все спят, – выдохнул Петька. В этот момент отчаянно взвизгнула циркулярка, и Петька, молниеносно вытянув руку в направлении звука, крикнул: «Виктор Михалыч!» Дядя Аркадий повернул голову, и Петька, воспользовавшись моментом, выдернул наконец ногу и со всей прыти побежал прочь. Дядя Аркадий начал было что-то кричать в сторону Петьки и даже топнул один раз ногой, но потом развернулся и пошел к Виктору Михалычу.

Запахавшийся Петька подбежал к Мишкиной даче и встал перед калиткой, раздумывая, как поступить: покричать или постучать – вдруг он все-таки кого-нибудь разбудит. Но тут на счастье над забором появилась Мишкина голова, и, прижав палец к губам, он тихо сказал:

– Петька, не шуми, пожалуйста, у папы сегодня отсыпной. Я мигом соберусь и выйду.

Петька не до конца понял, что значит «отсыпной», но на всякий случай с серьезным видом кивнул и стал ждать. Когда же через пару минут к забору подошел Костя и хотел, как обычно, громко поприветствовать товарища, Петька многозначительно произнес:

– Кость, не шумим: у Василия Ивановича отсыпной.

– А-а-а... – понимающе протянул Костя и встал рядом с Петькой, высматривая, кого бы еще об этом предупредить. Как назло, никто кругом и не собирался шуметь, а через ми-

нуту из калитки вышел Мишка, и они все вместе отправились на пруд.

Усевшись на берегу, они сперва-наперво пересчитали уток: их по-прежнему было двадцать три. Потом друзья рассказали Мишке странную историю пастуха Василия про летающий шкаф. В ответ Мишка пересказал – он это здорово умел – фантастическую повесть, которую прочитал в одном старом научно-популярном журнале. Героя этой повести злоумышленники запирают в багажнике автомобиля, а когда с невероятным усилием ему удастся выбраться наружу, он оказывается посреди инопланетной цивилизации.

– Да-а, – подвел итог Костя. – Странная история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.